

ИДЕЯ «ЯЗЫКОВЫХ ИГР»: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ИСТОКИ И ЭВОЛЮЦИЯ

Арутюнян Маргарита Павловна

Д.ф.н., профессор, Тихоокеанский государственный университет, г. Хабаровск

Подольская Оксана Симоновна

*К.ф.н., преподаватель, Тихоокеанский государственный университет, г. Хабаровск
oxanav2702@mail.ru*

THE IDEA OF "LANGUAGE GAMES": METHODOLOGICAL ORIGINS AND EVOLUTION

**M. Arutyunyan
O. Podolskaya**

Summary: The article deals with the methodological idea of «language games» and the origins of its formation in L. Wittgenstein's works. Using the methodology of historical, philosophical and phenomenological research, the authors explore the evolution of the meanings of language game idea from its origins, stated by L. Wittgenstein while overcoming the logocentrism of the positivist interpretation of language (in particular – recognition of the exclusivity of meanings of its semantic and syntactic interpretation) – to the potential of the functioning of language games in the linguistic reality of humanitarian cognition.

The authors refer to the most important "methodological turns" of the XX century philosophy: linguistic, anthropological, existential-phenomenological, in the contexts of which you can see development and substantiation of the methodological potential of the idea of "language games" in the philosophy and methodology of humanitarian cognition.

The phenomenon of metaphor is analyzed as the most important element of the language reality and the logic of the linguistic games in the conditions of modernity. The authors reveal the complex ontological nature of the language (in its essential purpose - to unite the integrity of the "Man" - "World" in existence), draw a general conclusion about the deep ontological nature of the "language games", their architectonics and functional purposes. Language games are intended to register not only the logical-semantic constants and linguistic features of the language, but also its capacious communicative and existential potential of linguistic reality.

Keywords: language, language game, language reality, Wittgenstein, the logic of positivism, the methodology of humanitarian knowledge, worldview, metaphor.

Аннотация: В статье анализируется методологическая идея «языковых игр»; характеризуются истоки её становления в творчестве Л. Виттгенштейна. Используя методологию историко-философского и феноменологического исследования, авторы обращаются к эволюции смыслов идеи языковых игр от её истоков, заявленных Л. Виттгенштейном в ходе преодоления логоцентризма позитивистской трактовки языка (в частности – признания исключительности значений его семантической и синтаксической трактовки) – к потенциалу функционирования языковых игр в языковой реальности гуманитарного познания. Контекстуально обращаются авторы и к важнейшим «методологическим поворотам» философии XX столетия: лингвистическому, антропологическому, экзистенциально-феноменологическому, в контекстах которых происходит дальнейшее углубление и обоснование методологического потенциала идеи «языковых игр» в философии и методологии гуманитарного познания. В этом плане в статье акцентируется внимание на феномене метафоры – важнейшего элемента языковой реальности и логики языковых игр в условиях современности. Характеризуя сложную онтологическую природу языка (в его сущностном назначении – соединять в экзистенции воедино целостности «Человек» – «Мир»), делают общий вывод относительно глубинной онтологической природы «языковых игр»; их архитектоники и функционального назначения. Языковые игры призваны фиксировать не только логико-семантические константы и лингвистические особенности языка, но и не менее значимый для самой языковой реальности – её ёмкий коммуникативный и экзистенциальный потенциал.

Ключевые слова: язык, языковая игра, языковая реальность, Л. Виттгенштейн, логика позитивизма, методология гуманитарного познания, мировоззрение, метафора.

Исследовательский интерес к феномену «языковых игр» и методологическому дискурсу его понятия имеет свою историю. Заявленный еще в ранних работах Л. Виттгенштейна, этот интерес не затихает поныне, актуализируясь как в философско-методологическом, так и в специализированных лингвистических дискурсах. Введение лексемы «языковая игра» в методологический аппарат науки стало своеобразной «реперной точкой» его переосмысления, – признания ограниченности исследовательского потенциала логического позитивизма, в том числе, – позиции исключительности значений семантической и синтаксической трактовки языка. Сторонником этой позиции был и «ранний Виттгенштейн». Уязвимость логического позитивизма обнаружилась в решении ключевой методологической

проблемы «эмпирического значения», в поисках универсального языкового формата, соответствующего исходным установкам логического эмпиризма, а также в устремленности данной методологии к построению «идеального языка», способного быть свободным от недостатков естественного словоупотребления. Вместе с тем ключевой вопрос сквозной для данного дискурса темы «истины и значения» перманентно оставался «слепым пятном семантики» в динамике дискурсов позитивизма [6, с. 28-48]. Очевидной становится необходимость принципиального переосмысления исходных оснований методологической позиций науки в контекстах рефлексивного анализа языка.

Логика противостояния традиционным позитивист-

ским установкам и заинтересованность в дальнейших поисках их преодоления обращают Л. Виттгенштейна к различным аспектам *прагматики языка*, к аналитике потенциала *его коммуникативных ресурсов*. Истоки становление критической позиции мыслителя в адрес позитивистской трактовки языковой реальности заявлены уже в его Логико-философском трактате. Известный афоризм, завершающий трактат: «О чем нельзя сказать, о том нужно молчать», фиксирует его несомненный интерес (пусть пока рефлексивно не оформленный) к необходимости перехода к иным, отличным от догматов логоцентризма, форматам анализа языка; им задаются эволюционирующие далее в методологическом дискурсе векторы *этической* и *экзистенциальной* проблематики языковой реальности.

Показательно, что, обращаясь к феномену «речевых практик», и критикуя «ментальные состояния как значения», – отмечает Б.В. Марков, – Виттгенштейн фиксирует сложность установления значимости речевых актов на основании исключительно внутренних состояний и переживаний говорящего субъекта и обращает внимание на необходимость отыскивать основания их значения не в сознании, а в иных – внешних инстанциях, стоящих за высказываниями. И ссылки на *знание и понимание* он ассоциирует с общепринятыми нормами употребления языка [6, с. 63; 56]. Да и основной замысел работы «Логико-философский трактат» (несмотря на доминантную приверженность «раннего Виттгенштейна», как мы видели, методологическим установкам логического позитивизма), мыслитель видел не в построении развитой теории предложения как образа мира, а в создании, как отмечается в исследованиях «особой этической позиции, целью которой является демонстрация того тезиса, что решение научных проблем мало что дает для решения экзистенциальных проблем человека»..., констатация постоянного стремления «выхода за границу языка» [8, с. 125]. Уже здесь встает вопрос о «границах науки» и экзистенциальных мерах её языка.

Таковы истоки неявно заявленной в «Логико-философском трактате» (1921г.) и развернутой в «Философских исследованиях», опубликованных в 1953г. лексемы Л. Виттгенштейна «языковая игра». По существу, идея языковых игр означает не просто динамику языка, но с необходимостью проецируется в экзистенциально-мировоззренческие контексты, оказываясь важнейшим «компонентом деятельности» человека и «формой жизни». Миро-восприятие, миро-понимание, миро-отношение, миро-созидание, миро-преобразование... и другие «онтийные» «функционалы мировоззрения» (М.П. Арутюнян) экзистенциально наполняют и репрезентируют языковые игры. Переводя посредством речи социокультурную реальность в игровую плоскость, языковые игры, своеобразно очерчивают горизонт возможных миров индивидуального и социокультурного опыта – как не совпадающих с наличными – ибо, с одной стороны, в

выборе правил языка, как и в выборе набора игровых правил, человек ничем извне не ограничен. А с другой – соблюдение требования интерпретируемости модельной семантики, как отмечает М.А. Можейко, заложено в самой основе конституирующей игру языка» [7, с. 1344].

В этой связи словоупотребление, по Виттгенштейну, вообще не может быть неправильным, оно лишь отражает динамику самой жизни. Тем самым рефлексия языка мыслится погружаемой в контексты многогранных жизненных миров человека, объективно востребующих от аналитики языковой реальности иной, «информальной логики» (И.Н. Грифцова) [2]. – логики интерпретации, смыслового восприятия и понимания. Соответственно, в тезаурусы рефлексии языка и языковой реальности, ознаменовавшейся «Лингвистическим поворотом» в философии XX века, постепенно включаются традиции *герменевтики* (аналитически связывающие язык, знание, речь, понимание), установки *феноменологии* (раскрывающей «сущее в существовании» языковых форм; связь речевых актов с интенциональными состояниями. Так идея «языковых игр» обретает многомерную методологическую интерпретацию, проясняющую её глубокое сущностное содержание и рефлексивный потенциал.

В работе «О природе интенциональных состояний» Дж. Серль пытается скоррелировать речевые акты с интенциональными состояниями (по существу, – экзистенциалами), – такими как: надежда, желание, любовь, ненависть, симпатия, неприязнь, сомнение, удивление, удовольствие, восторг, уныние, гордость, раскаяние, скорбь, огорчение, виновность, наслаждение, раздражение, замешательство, одобрение, прощение, враждебность, привязанность, ожидание, гнев, восхищение, презрение, уважение, негодование [9, с. 61].

В векторах исследовательских традиций *экзистенциальной философии, феноменологии и психологии* действительно расширяется и углубляется потенциал языковых игр. Язык «узнаёт себя» и анализируется как «событие» и «со-бытие» жизненных миров; исследуется воплощенность языка в экзистенциалах; его экзистенциальный, образовательный, воспитательный потенциал; анализируются проблемы суггестивности языка, в том числе – возможности воздействия на человека звуком, речью, голосом, масс-медиа, и т.д.

Своеобразие тональностей аналитики языковых игр сегодня задают многомерные аналитические дискурсы. В разных контекстах и направлениях методологической рефлексии, с одной стороны, все более углубляется изначально заданный логикой прагматизма праксеологический аспект рефлексии языка, выводящий через модели «языковых игр» (в преодолении ограничений логики сциентизма и логоцентризма) на возможности осуществлять аналитику социальной, культурно-исторической, повседневной, виртуальной, и др. реальностей, на дей-

ствительность личностных миров человека. При этом оказывается возможным, на наш взгляд, осуществить значимый для рефлексивного анализа самого языка, сущностный и аутентичный его собственной природе, экзистенциально-феноменологический анализ, рефлексию «языковых игр» – как его ведущего экзистенциала. Именно здесь задаются установки аналитики онтологической размерности и экзистенциальной прагматики языка, векторы концептуализации «языковых игр» в контекстах сложных полей аналитики гуманитарного познания. Аналитические модели рефлексии языка в данных контекстах пронизывают философско-методологические учения ведущих мыслителей двадцатого столетия – М. Хайдеггера, Х.Г. Гадамера, Ж. Дерриды, М. Фуко, и др. В них, при различиях деталей в оценке природы и онтологии научного разума, прежде всего преодолеваются исходные установки сциентистских просвещенческих надежд на возможности выстраивания культуры и рефлексии её динамики исключительно в основаниях научного разума.

В условиях осложнения самой социальной реальности актуализируются столь же сложные и динамичные формы ее рефлексии. Языковая игра обретает обновляющийся аналитический потенциал; обнаруживаются новые приемы и скрытые механизмы этого потенциала. В том числе характерно востребованной становится метафора – один из ключевых приемов создания и функционирования языковых игр. Не случайно именно в XX веке заговорили о метафоре как о познавательном процессе, сопровождающем самые разные грани бытия человека в мире.

С одной стороны, метафора, по мнению П. Рикера, способна раскрыть подлинный смысл нашего пребывания в мире, будучи связанной с глубинными структурами реальности, с творческими возможностями человека. А, с другой стороны, исследователи усматривают в метафоре скрытый механизм воздействия социума на человека, один из способов осуществления власти..., отмечают возможные риски для человека самих «метафорических переносов» смыслов понятия, когда человек может стать своеобразной жертвой метафоры.

Турбейн, к примеру, (Turbaun) определяя метафору как «представление фактов одной категории в идиомах, соответствующих другой» и называя периодически категории «видами», а метафору «видовым скрещиванием», отмечает, что «используя метафоры, мы пересекаем категории» (включая ментальные, морские, архитектурные, геометрические, металлургические и многие другие); и взывает к необходимости понимания метафоры, дабы не стать её жертвой. Быть жертвой метафоры, полагает Турбейн, – значит воспринимать ее буквально, как факт – в качестве описания объективной истины, вместо того, чтобы рассматривать её как «образный язык» [15].

На сложность метафоры в функционирования языковой реальности, также как и её аналитики в контекстах языковых игр, обращают внимание многие авторы. Дж. Р. Серль, к примеру, отмечает, что «проблема метафоры затрагивает отношения между значением слова и предложением, с одной стороны, и значением высказывания или значением говорящего, с другой» [9, с. 308]. На роль метафор в успешной организации информации в текстах обращают внимание исследователи Д. Аллбригтон, Д. Маккун, Р. Герриг (Albritton D.W., Mc.Koon G., Gerrig R.). По их мнению, в основе так называемых «концептуальных карт», или «схем» лежат метафоры. По его мнению, подобные схемы, являющиеся частью знаний о мире в какой-либо предметной области, в процесс понимания текста привносятся сами читатели [11, р. 615-625].

Д. Дэвидсон со своей стороны обосновывает, что не существует строгих правил для определения того, какие именно выражения в языке должны считаться метафорическими. Значение метафор, по его мнению, исходит из буквального понимания сказанного, и последующего перехода к особому использованию слов, понятым таким образом (то есть в языковой игре – М.А., О.П.). По его утверждению метафоры должны быть узнаваемы по их характерному «эффекту» на слушателя (по тому, что они заставляют его «замечать») в процессе понимания текста, а не как отдельное когнитивное содержание). Это также объясняет, по его словам, наши нередкие трудности с перифразированием метафорического смысла (значения) в буквальный контекст разговора [12, р.31-47].

Дж. Лакофф обращает внимание на особую роль метафоры в организации концептуальных знаний при взаимодействии и пересечении двух различных областей – как важнейший способ создания и функционирования языковой картины мира. Подобные «концептуальные метафоры», по его мнению, могут рассматриваться в качестве глубинных оснований, формирующих представления человека о действительности в целом [14].

Приведенные образы метафоры, мысли и аргументы демонстрирующие необходимость и особенности её функционирования в контекстах языковой картины мира (наряду с другими важными элементами этой картины) демонстрируют сложный характер архитектуры «языковых игр», их со-размерности самой идеи «языковой игры» сложной онтологической природе языка, призванной связать воедино в экзистенции – целостности «Человек» – «Мир» через осмысление и понимание человеком мира посредством Языка. Языка, бытующего, как мы пытались показать, в динамике «языковых игр». А своеобразной «реперной точкой», отмеченной методологическим поворотом интереса к исходной аналитике идеи языковых игр, и дальнейшей расширяющейся панораме их аналитики, стало творчество Л. Виттгенштейна.

ЛИТЕРАТУРА

1. Витгенштейн Л. Философские работы. Часть I / Л. Витгенштейн / пер. с нем. М.С. Козловой и Ю.А. Асеева. – М.: Изд-во «Гнозис», 1994. – 612 с.
2. Грифцова И.Н. Логика как теоретическая и практическая дисциплина. К вопросу о соотношении формальной и неформальной логики. – М., 1998.
3. Козлова М.С. Идея «языковых игр» / М.С. Козлова // Философские идеи Людвига Витгенштейна. – М.: ИФРАН, 1996.
4. Козлова М.С. Философия как деятельность: мысли Л. Витгенштейна / М.С. Козлова // Современная аналитическая философия: сборник обзоров. Выпуск 3. (серия «Сознание и деятельность»). – М., 1991. С. 32–43.
5. Марков Б.В. Знаки бытия / Б.В. Марков. – СПб: «Наука», 2001. 566 с. – (Сер. «Слово о сущем»).
6. Марков Б.В. Люди и знаки: антропология межличностной коммуникации / Б.В. Марков. – СПб: «Наука», 2011. 667 с. – (Сер. «Слово о сущем»).
7. Можейко М.А. Языковые игры // История философии: Энциклопедия. – Мн., 2002. С. 1344.
8. Постмодернизм. Энциклопедия. – Мн. Интерпрессервис; Книжный Дом, 2001. – С. 125.
9. Серль Дж. О природе интенциональных состояний // Философия. Логика. Язык. М. 1987.
10. Хиттинка Я. О Витгенштейне / Хиттинка Я. Из «лекций» и «заметок» / Л. Витгенштейн / Составление и редакция В.А. Суровцева. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2013. – 272 с.
11. Allbritton D.W., Mc. Koon G., Gerrig R. Metaphor-based schemas and text representation // J. of experimental psychology Charlton, 1995, vol. 21, 2, p.615–625.
12. Davidson D. What metaphor mean // Critical inquiry — Chicago, 1978, vol. 5, 1, p.31–47.
13. Farb P. Word Play: What Happens When People Talk. N.Y., 1976. – 421 p.
14. Lakoff G. and Johnson M. Metaphors We Live by Chicago: University of Chicago Press, 1980.
15. Turbayn, C. The Myth of metaphor. – Col., 1975.

© Арутюнян Маргарита Павловна, Подольская Оксана Симоновна (oxanav2702@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Тихоокеанский государственный университет